

Проф. М. И. Максимова

К ВОПРОСУ О ВЫХОДЕ ХЕТТОВ НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ ЧЕРНОГО МОРЯ

Вопрос о выходе хеттов на южное побережье Черного моря имеет большое значение как для истории Малой Азии во II тысячелетии до н. э., так и для восстановления общей картины развития отдельных племен, населявших южное Причерноморье в эпоху, предшествующую греческой колонизации. Однако эта проблема до сих пор не может считаться решенной в ту или иную сторону. Правда, в начале нашего века, когда хеттология еще только вступала на путь своего дальнейшего блестящего развития, Леонхард¹ пробовал ответить на этот вопрос в положительном смысле, но самый метод его работы уже обрекал его исследование на неудачу: Леонхард отождествлял хеттов с амазонками греческой мифологии, и, поскольку царство амазонок локализовалось в долине Термодонта к востоку от Самсуна, считал доказанным выход хеттов на побережье Черного моря в этом пункте.

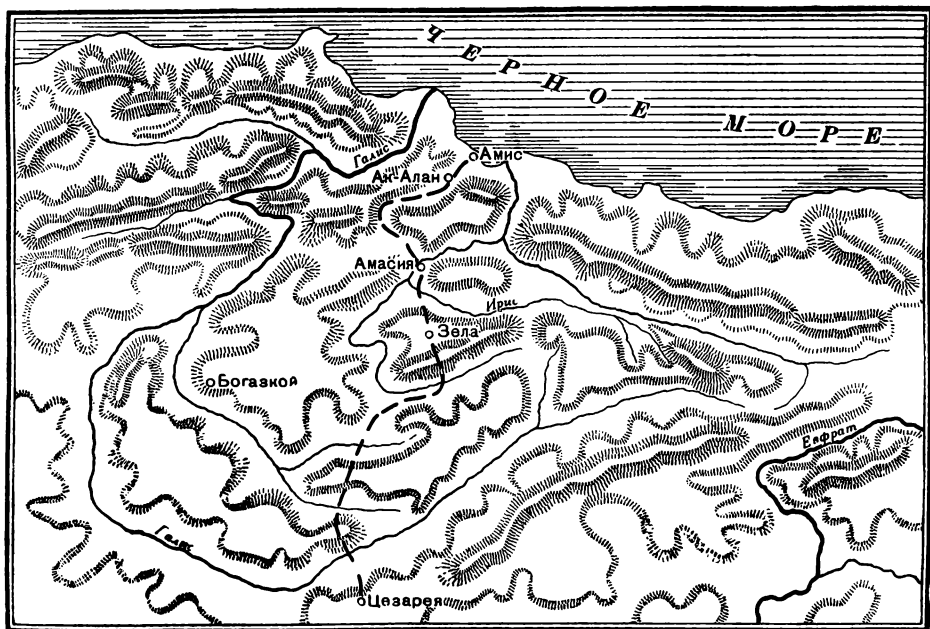
Современные историки древнего Востока неоднократно возвращались к указанной проблеме, опираясь на письменные источники из хеттских архивов, но и их работы не привели пока к окончательным результатам. Как известно, определение границ Хеттского царства, как Древнего, так и Нового, покоится и сейчас на довольно шатком основании. Главным источником являются официальные документы хеттов, повествующие о походах и завоеваниях хеттских царей и военных столкновениях с соседними племенами. Однако локализация этих племен и упоминаемых в документах географических названий на современной карте во многих случаях представляет непреодолимые пока трудности, чем объясняется и противоречивость мнений отдельных исследователей. В частности, в том, что касается берегов Черного моря, решение вопроса о вхождении этой области в Хеттское царство связано с локализацией племени киццуватна и толкованием термина «Большое море», на берегу которого жило это племя. В ряде документов² на табличках из Бозазкойского архива повествуется о войнах между хеттами и племенем киццуватна, причем упоминается о том, что хетты при этом доходили до «Большого моря». Винклер, Эд. Мейер и

¹ W. L e o n h a r d t, Chettiter und Amasonen, Berlin—Leipzig, 1911.

² Перечисление этих документов можно найти в книге Albrecht G o e t z e, Kizzuwatna, New Haven, 1940 (Yale Oriental Series Research, XXII).

ряд других исследователей склонны видеть в племени киццуватна предков позднейших каппадокийцев и в «Большом море» — Черное море. Соответственно они помещают племя киццуватна к северу от столицы хеттов Хаттушаш (Богазкой) в направлении к тем местам побережья, где впоследствии находились города Синопа и Амис (Самсун).

В противоположность этому мнению, Гетце, соглашаясь с тем, что племя киццуватна имело какое-то отношение к позднейшим каппадокий-



цам, локализует его в южной Каппадокии и Киликии, и «Большое море» он считает Средиземным морем. В северной Каппадокии он помещает племя каскеев, также неоднократно воевавшее с хеттами. Однако границу Хеттского царства на севере Гетце проводит много южнее Северо-Анатолийского горного хребта, тем самым отрицая проникновение хеттов к берегу Черного моря.

Хогарт, намечая границы Хеттского царства (САН, II, стр. 272, табл. 5), исходит не из названий племен и местностей, упоминаемых в табличках Богазкой, а из местонахождения монументальных хеттских памятников. Он считает, что монументальные памятники хеттской скульптуры и архитектуры свидетельствуют о пребывании хеттов на данных территориях, обводит все эти области на карте чертой и получает таким путем приблизительные очертания границ Хеттского царства. Северная граница этого царства по Хогарту также проходит много южнее Северо-Анатолийской горной возвышенности. Таким образом, этот ученый также исключает приморскую полосу из хеттских областей Малой Азии.

Самым большим препятствием на пути к разрешению указанной проблемы надо считать отсутствие до сих пор планомерных раскопок в тех областях Малой Азии, которые могли бы дать в этом отношении решающий материал. Турецкое историческое общество, а также ряд археологических экспедиций американских университетов в 20-х и 30-х гг. нашего века неод-

нократно проводили полевые работы большого масштаба в центральной части Анатолии, но причерноморские области и крупные населенные пункты побережья, как Синопа и Самсун, оставались пока вне поля их зрения. Таким образом, приходится сказать, что систематическое исследование памятников южного Причерноморья пока отсутствует, а данные районы и до настоящего времени археологически почти не изучены¹.

Однако области южного Причерноморья столь богаты памятниками культуры некогда населявших их племен и народов, что случайные находки как отдельных предметов, так и остатков строений—явление в тех местах далеко нередкое, и в некоторых случаях находки эти были настолько интересны, что они привлекали к себе внимание турецкой администрации; турецкие археологи предпринимали в данных местах разведки или раскопки небольшого масштаба с целью исследования случайно обнаруженных зданий и поселений. Помимо того, в Синопе, а особенно на городище древнего Амиса близ современного Самсуна, в течение многих лет местными жителями ведутся грабительские раскопки, и многие добытые таким путем вещи находят себе затем место в государственных музеях и частных собраниях и становятся доступными для науки.

Конечно, открытые подобными путями памятники в значительной мере теряют свою научную ценность и никоим образом не могут служить заменой планомерных раскопок, однако в своей совокупности они все же представляют значительный интерес и дают известный материал для научных выводов. В настоящей работе мы делаем попытку сопоставления и критического обзора тех случайно открытых археологических данных, которые имеют отношение к вопросу о выходе хеттов на Черноморское побережье, поскольку накопление даже разрозненных свидетельств может содействовать разрешению этой важной проблемы.

Среди случайно найденных на городище древнего Амиса и в Синопе вещей, свидетельствующих о том, что оба эти пункта были заселены задолго до основания там греческих колоний, имеется и небольшое количество хеттских изделий. К ним принадлежит изданная Хогартом серебряная хеттская печать, в виде перстня². На жуковине его имеется хеттская надпись, обведенная каймой из кружков и черточек. Здесь же находится изображение четырехконечной звезды. Хогарт датирует перстень временем от 1300 до 1200 гг. К сожалению, достоверность происхождения печати из Амиса остается под сомнением, так как она была куплена в Каире у торговца, который указывал на Самсун как на место ее находки.

С полным доверием в смысле происхождения из Самсуна можно, повидимому, отнести к большому расписному сосуду, хранящемуся в музее Лувра³ и попавшему туда при посредстве известной экспедиции в Каппадокию Chantre'a. Это кувшин шаровидной, еще мало развитой формы, без устойчивой ножки. Глина плохо промыта. Поверхность сосуда покрыта яркочерной облицовкой, частично перекрытой матовой белой ангобой. Геометрический орнамент—пучки прямых и ломаных линий, треугольники и ромбы—исполнен черной краской. Женульак считает сосуд хеттским, а Боссерт уточняет это определение, относя его к древнему хеттскому царству, т. е. к первой половине II тысячелетия.

¹ Несколько экспедиций для учета памятников Северо-Восточной Анатолии было проведено в 40-х годах нашего века (см. краткое сообщение в *AJA*, 1947, № 3).

² D. C. Hogarth, *Hittite Seals*, стр. 38, № 194.

³ H. de Genouillac, *Céramique Cappadocienne*, II, 1926, табл. 50, стр. 21; Bossert, *Alt-Anatolien*, № 367.

В Синопе найдены были два золотых предмета, которые предположительно относятся к хеттским изделиям¹. Первый из них представляет собой бляху, вырезанную из листового золота, длиной в 64 мм. К верхнему краю бляхи припаяно два выступа, которым в самой общей форме приданы контуры человеческих или птичьих голов. Френер объясняет всю композицию как изображение двух спаренных божеств с птичьими головами. «Ожерелья» и «пояса» фигур исполнены чеканом. На бляхе имеются дырочки для пришивания к одежде. Вторая бляха, длиной 0,072 м, исполнена в той же технике. Она изображает птицу. Голова сплющена и обработана чеканом, края гуловища и хвоста украшены плетенкой, перья распущенного хвоста обработаны чеканом. К затылку птицы приделано большое кольцо, в которое продето маленькое колечко с круглым, плоским диском-подвеской. Такие же колечки с дисками имеются на краях бляхи, а на нижнем контуре хвоста сохранилось три колечка, вероятно, для таких же дисков-подвесок.

Столь скудный и частично не вполне достоверный материал, конечно, не дает права не только на разрешение, но даже на постановку вопроса о проникновении хеттов к Черному морю. Самое большое, что из него можно извлечь,—это указание на то, что в Приморскую полосу проникали изделия хеттов и что, следовательно, она в какой-то мере находилась в орбите влияния хеттской культуры. Однако при сопоставлении с другими данными и эти находки приобретают известное значение.

Еще в 1905 г. в местечке Ак-Алан близ Самсуна местными крестьянами были найдены фрагменты греческих архитектурных терракот архаической эпохи, привлечшие к себе внимание археологов. Оттоманский музей в Стамбуле произвел вслед за тем исследование данной местности силами небольшой археологической экспедиции во главе с Макриди-беем². Помимо добавочного сбора фрагментов таких же архитектурных терракот, какие были обнаружены крестьянами, а также черепков архаической керамики, экспедиция добыла некоторые данные об оборонительных сооружениях Ак-Алана и о существовавшем там древнем поселении.

Холм Ак-Алан расположен в 18 километрах к юго-западу от Самсуна, среди горных складок, образуемых Северо-Анатолийской горной цепью. Холм господствует над ущельями, образуемыми Кара-дере и ее бурными притоками. По словам Макриди-бея, холм имеет обрывистые, скалистые склоны и доступен только с одной, восточной, стороны. Основываясь на фрагментах керамики и терракот, находимых в полях у подножия холма, с восточной его стороны, Макриди-бей предполагает, что там находился незащищенный город, акрополем которого служил холм Ак-Алан.

Верхушка холма имеет неправильную удлинненную форму: длина ее равняется 275 м, а ширина—в среднем 50 м. На всем своем протяжении она обнесена оборонительной стеной. Основанием для нее служат скалы. Местами скалы значительно поднимаются над землей, и в этих случаях они сами служат стеной, но по большей части скалы используются только как основание для искусственной стены. Последняя сохранилась почти повсеместно до высоты в 5 м. На южной стороне холма имеется вход в цитадель. Стена здесь прерывается и образует вход с двумя полуциркулярными пилонами по сторонам. На восточной и северной сторонах цитадели вскрыты были два низких узких прохода через стену в нижней ее части, которые Макриди считает стоками. Вся стена сложена из больших

¹ Froehner, Collection Tyszkiewicz, табл. XXI, № 204; табл. XI, № 8.

² Macridy-Beu, Une citadelle archaïque du Pont, 1907 (MDCG).

каменных глыб, на которых не заметно никаких следов обработки их инструментом, а промежутки между крупными камнями тщательно заполнены щебнем. Макриди называет эту стену циклопической и сравнивает ее кладку со стенами Тиринфа и Мидеи в Арголиде. Однако он отмечает две ее особенности, отличающие ее от обычных циклопических стен.



Холм Ак-Алап.

Это, во-первых, сильный уклон их внутрь: наружная поверхность стены имеет уклон к верхнему краю в 3 м при высоте в 5 м, и, во-вторых, тщательное закругление всех выступов, так что стена на всем своем протяжении не образует резких углов. Макриди не приводит никаких аналогий циклопических стен, сложенных подобными приемами, кроме указанных им совершенно не убедительных примеров из Арголиды. Между тем оборонительные сооружения, обладающие такими же характерными особенностями, какие свойственны стенам Ак-Алана, встречаются и в других поселениях хеттской эпохи и прежде всего в столице Хеттского царства—Богазкое.

Как известно, этот город, помимо сети внутренних укреплений, был окружен двойной оборонительной стеной с целой системой устроенных на определенном расстоянии друг от друга башен, лестниц и потерн. Внешняя стена, высота которой не могла быть установлена, состояла из трех частей: земляного вала, уложенного на подстилку из щебня, ряда больших каменных квадров и, наконец, стены из саманных кирпичей. Земляной вал идет на всем протяжении стены. Полного его обследования произведено не было, но наблюдения показали, что вал—насыпной, причем для его сооружения были использованы естественные возвышения почвы и скалы. Вал, повидимому, достигал высоты примерно в 10 м при толщине в 50 м. С внешней стороны вал имел уклон внутрь, иногда под углом в 25°, иногда более крутой и был покрыт слоем механически

пригнанных друг к другу больших необработанных камней, причем промежутки между ними были заполнены мелкими камнями.

Устройство этого вала, насыпание земли с уche ом естественных возвышений почвы и скал, уклон его профиля и, наконец, вымостка большими и мелкими камнями с внешней стороны дают полную аналогию к оборонительным сооружениям Ак-Алана, если отрешиться от определения последних как «циклопической стены».

По целому ряду наблюдений и соображений нам кажется, что данное определение Макриди ошибочно и что оборонительные сооружения Ак-Алана представляют собой не стены, сплошь сложенные из камней, а земляной вал, укрепленный снаружи каменной кладкой. В этом нас убеждает изучение многочисленных фотографических снимков, приложенных к отчету Макриди, а также анализ произведенных им работ и, наконец, некоторые попутно высказанные им самим замечания.

Прежде всего необходимо указать, что обследование оборонительных сооружений Ак-Алана было далеко не полным и очень поверхностным. Макриди рассказывает, что стены цитадели так густо поросли кустами и мелкими деревьями, что потребовалась работа 4 дровосеков в течение 25 дней для очистки стен от поросли. Затем стены были освобождены от лежавшего на них слоя земли. Однако, судя по плану, эта работа была проведена только на восточной стороне цитадели и на небольшом участке западной стороны. На всем же остальном своем протяжении стены не были очищены от покрывающей их земли. Это наблюдение подтверждается и замечанием самого Макриди, который на стр. 4 своего отчета говорит о «раскопанном» участке стены, очевидно, противопологая его нераскопаным участкам.

Но что имеет для нас особо важное значение, это то, что и «раскопанные» участки, видимо, раскапывались только с внешней стороны, т. е. просто освобождались от лежавшего на них снаружи слоя земли. Никакого обследования кладки в глубину не производилось, если не считать входа в цитадель и обоих стоков, где частично раскоп был проведен внутрь цитадели, причем, судя по плану, стенки оказались обложенными камнями тоже только с внешней стороны. Никакой выемки земли с внутренней стороны стен, видимо, также не производилось, в чем нетрудно убедиться, внимательно приглядываясь к снимкам, где ясно видно, что во многих местах стены под каменной кладкой идет земля, а не второй ряд камней¹.

Макриди косвенно признает в своем отчете, что работы по раскопке стен ограничились лишь обследованием их с внешней стороны. Он указывает на то, что детали входа в цитадель и обоих стоков остались невыясненными, так как для полного их обследования необходимо было бы, как он говорит, очистить их от земли с внутренней стороны, чего, очевидно, не было сделано.

Впрочем, и сам Макриди, назвав оборонительные сооружения Ак-Алана циклопическими стенами, видимо, усомнился в правильности своего определения. На стр. 4 своего отчета он говорит: «можно было бы предположить, что на этой стене возвышалась вертикальная стена из саманных кирпичей, и в этом случае нижняя стена представляла бы собой просто вал, как в Богазкое, но до сих пор нами не было обнаружено следов саманных

¹ См. Macridy, ук. соч., табл. VI, рис. 8; табл. II, рис. 4 и табл. IX, рис. 11.

кирпичей». Другими словами, присутствие саманных кирпичей превратило бы циклопическую стену в земляной вал.

Основываясь на всех приведенных данных, мы, как нам кажется, вправе утверждать, что оборонительные сооружения Ак-Алана представляют собой не циклопические стены, а земляные валы, покрытые снаружи каменной кладкой. Принятие такого их определения объяснило бы и отмеченные Макриди особенности конструкции, сильный уклон внешнего профиля, что совершенно не свойственно каменным стенам, и плавные внешние очертания сооружения. Объяснило бы это, наконец, и появление именно на валу той густой поросли, которая покрывала только валы, а не внутреннюю скалистую почву цитадели. Отсутствие же следов вертикальной стены из саманных кирпичей легко объяснимо. При неряшливости раскопок они просто могли остаться незамеченными, тем более, что густая растительность должна была повести за собой сильное разложение кирпичей; кроме того, возможно, что на нераскопанных участках вала такие следы еще имеются налицо.

Конструкция вала Ак-Алана находит, как мы видели, полную аналогию в вале внешней оборонительной стены Богазкоя. Это касается и принципа его насыпки со включением скалистых выступов в систему насыпи, и его косога профиля, и способа укрепления скоса каменной кладкой. Совершенно естественно, что укрепления столицы хеттов были гораздо более грандиозными, чем оборонительные сооружения Ак-Алана. В вале Ак-Алана не замечено пока ни лестниц, ни потерн, ни башен. Однако какие-то дополнительные к валу укрепления здесь, повидимому, были. На восточной стороне холма (т. е. там, где всего легче было на него взойти) на плане отмечены нагромождения камней, прилегающие к валу (M a s g i d u, ук. соч., табл. VIII, рис. 10), в которых можно предположить основания башен. Что же касается тех проходов через вал, которые Макриди считает стоками, то если не по своему назначению и размерам, то по своей конструкции они напоминают проходы, прорытые в валу Богазкоя. В обоих случаях внутренние стенки проходов обложены рядами камней, образующими подобие свода, замкнутого сверху большим ключевым камнем. Проходы в валу Богазкоя служили, возможно, для вылазок гарнизона. Не берусь судить о назначении проходов в валу Ак-Алана, но устройство проходов в обоих случаях очень сходно.

Итак, если правильны наши наблюдения над оборонительными сооружениями Ак-Алана, если последние действительно представляют собой не циклопические стены, а земляной вал, укрепленный снаружи каменной кладкой, то тем самым устанавливается тесная связь между остатками укрепления Ак-Алана и внешней оборонительной стеной Богазкоя, ибо конструкция валов в обоих случаях одинакова и основана на одних и тех же строительных приемах.

Помимо вала в Богазкое, известны и другие оборонительные сооружения хеттской эпохи, построенные по тому же принципу, как, например, вал стены города Иерихона в Палестине. Этот город имел внутреннюю, очень древнюю, оборонительную стену и внешнюю стену, которую Sellin и Watzinger, издавшие эти памятники, датируют временем от 1900 до 1600 г., т. е. эпохой Древнего царства хеттов, и называют стеной-валом, построенным по хеттскому образцу. Эта только частично сохранившаяся внешняя стена некогда окружала весь город. Конструкция ее следующая. Применительно к свойствам известковой почвы, слишком слабой для большой нагрузки, под валом был устроен настил из глинистой земли, смешанной со щебнем, на который положен ряд больших каменных блоков. Промежутки между ними заполнены мелкими камнями, и, при помощи таких же камней, верхней поверхности фундамента придано горизонтальное

направление. Над фундаментом идут ряды неотесанных крупных камней, представляющих собой облицовку насыпного земляного вала, имеющего, как в Богазкое и в Ак-Алане, значительный скос внутрь. Высота облицованного камнями вала вместе с каменным фундаментом колеблется между 4,5 и 5,4 м, т. е. примерно совпадает с высотой вала в Ак-Алане. Непосредственно на вершине вала возвышается вертикальная стена из саманных кирпичей, толщиной до 2 м и высотой предположительно до 6—8 м. Никаких выступов и башен у этой стены не имелось, но на определенных расстояниях вниз по валу шли каменные ступеньки; эта особенность опять-таки роднит стену Иерихона с внешней стеной Богазкоя, где также имелись подобные лестницы, служившие, вероятно, для того, чтобы защитники стен могли в случае надобности легко спуститься в равнину перед городом.

Приведенные аналогии для устройства оборонительного вала в Ак-Алане и валов в Богазкое и в Иерихоне позволяют датировать оборонительные сооружения Ак-Алана хеттской эпохой, но их недостаточно для того, чтобы считать данное укрепленное поселение хеттской крепостью. Разъяснение в данном случае могло бы дать только систематическое исследование всего холма, а этого исследования, к сожалению, произведено не было. Помимо поверхностных раскопок вала и собирания лежавших на поверхности земли внутри цитадели остатков греческих строений, главным образом архитектурных терракот архаической эпохи, а также одновременных им черепков керамики, — экспедиция провела только пробную траншею на вершине холма и обнаружила при этом на глубине 8 м фрагменты какой-то, как говорит Макриди, очень древней керамики, ближайшим образом не описанной и не изданной. Остается, таким образом, невыясненным, относится ли она к хеттской или к еще более древней эпохе. В последнем случае можно было бы установить в истории Ак-Алана три периода: раннее поселение, засвидетельствованное указанными черепками из пробной траншеи, укрепленное поселение или крепость хеттской эпохи, от которой сохранился оборонительный вал, и, наконец, захват этого пункта греческими, фокейскими колонистами Амиса около 600 г. до н. э. Памятниками этого последнего периода являются строительные остатки нескольких зданий, вероятно, небольших храмов, и значительное количество черепков архаической керамики. Некоторые соображения общего характера, связанные с местоположением Ак-Алана, частично объясняют, как мы полагаем, длительность заселения этого холма, а находки последних лет близ Самсуна придают высокую степень вероятности предположению о хеттах как строителях его оборонительных сооружений.

Береговая полоса юго-восточного Причерноморья по своим географическим условиям почти полностью изолирована от малоазийского материка, На всем своем протяжении (около 500 км) она представляет собой полосу земли, местами расширяющуюся вглубь до протяжения в несколько километров, но по большей части очень узкую и многократно перерезаемую горными отрогами, выдающимися в море в виде отдельных мысов, и горными реками и потоками, вливающимися в море. Прибрежная полоса отделяется от внутренней части страны высокой и труднопроходимой горной цепью Северо-Анатолийских гор. С. Н. Матвеев¹ следующими словами описывает данную местность: «Главный гребень [Северо-Анатолийских гор] в восточной части достигает высоты в 3937 м. Боковые гребни превышают

¹ С. Н. Матвеев, Турция. Физико-географическое описание, 1946, стр. 14 сл. и 115.

3300 м. Перевалы в восточной части лежат на высоте в 3000 м. Сообщение [горных долин] с морским побережьем затруднительно, так как долины в своих низовьях переходят в ущелья. Не менее затруднительно и сообщение их с внутренними частями Анатолии: высокие перевалы забиты снегом до июня. Лишь узкие тропы ведут от берега моря к перевалам. Наиболее распространенный способ передвижения пешеходный... Из перевалов наиболее важным является известный перевал Зингана (2036 м), через который ведет шоссе дорога (Трапезунд — Байбурт). Другие перевалы лежат на более значительной высоте, и к ним ведут только вьючные тропы». Это описание, относящееся главным образом к восточной части Северо-Анатолийских гор, приложимо в основных чертах и к западной их части. И здесь горные цепи являются почти непреодолимым барьером между внутренним плато Малой Азии и береговой полосой. Только непосредственно за Самсуном горная цепь на незначительном протяжении снижается и образует удобный проход, по которому проходит единственная в этих местах доступная круглый год проезжая дорога, связывающая черноморское побережье с внутренними областями Малой Азии.

Вот какими словами описывает значение этого пути известный исследователь дорог Понта Munro¹. «Самая северная горная цепь [Малой Азии] круто нависает над Эвксинским Понтом и отсекает морское побережье от областей, расположенных позади нее. Пути, пересекающие эту преграду, немногочисленны и трудны. На всем протяжении береговой полосы от Амастриды на западе до Трапезунда на востоке Амис (Самсун) является единственными открытыми воротами внутрь страны. Здесь, между горами Пафлагонии и цепью Париадра, Галис и Ирис находят выход к морю, и налицо имеется небольшое понижение — вряд ли его можно назвать проходом, — через которое большая дорога проникает в Амасею и Каппадокию... Эта дорога от Амиса на Зелу имела большое торговое значение. Это была единственная большая дорога Понта с севера на юг, и она соединяла Амасею — расположенную внутри материка столицу страны, с морем. Более того — это был единственный выход к северу для всей Малой Азии, соответствующий в известной степени знаменитой дороге, ведущей на юг через Киликийские ворота».

Свое значение важного торгового пути эта дорога удержала и до последних лет, а ныне параллельно ей проведена железная дорога, связывающая Самсун с внутренними областями Малой Азии (М а т в е е в, ук. соч., карта). В римское время эта дорога проходила примерно по той же трассе, как и в настоящее время, что установлено находкой римской мостовой и римских милевых камней. Можно с уверенностью утверждать, что сношения между внутренними областями Малой Азии и южным берегом Черного моря, а также между этим и Средиземным морем осуществлялись по этому пути еще в глубокой древности. Этому пороку греческая литературная традиция, согласно которой Малая Азия представляла собой полуостров с узким перешейком, отделявшим ее от восточных районов Азии. В греческой литературе мы впервые встречаемся с этим представлением у Г е р о д о т а (I, 72). «Таким образом, река Галис, — говорит он, — разделяет почти всю нижнюю часть Азии от моря, что против Кипра, до Эвксинского Понта. Это перешеек всей данной области. Длина пути для хорошего ходока составляет пять дней». Ту же версию, с некоторыми вариантами, мы затем находим у многих античных авторов, вплоть до поздних времен античного мира, причем конечным пунктом перешейка и проходящей по нему

¹ J. A. Munro, Roads in Pontus royal and roman, JHS, 1901, стр. 52 сл.

дороги, связывающей Средиземное с Черным морем, почти всегда называется Ами Как с. указал Эд. Мейер (GdA, II, § 287 A), можно объяснить цепкость этой ошибочной традиции в античной литературе только тем обстоятельством, что греки столкнулись в данном случае с вековой практикой местного населения, пользовавшегося указанной дорогой для торговых целей.

Географические условия причерноморской береговой полосы, ее отрезанность от внутренних областей материка в значительной мере определили и ход исторического развития ее населения. Насколько можно судить по скудным археологическим данным, имеющимся в нашем распоряжении, культура этих областей была более тесно связана с Закавказьем и Кавказом, чем с внутренними областями Анатолии.

Об этом свидетельствуют находки кладов и отдельных вещей—бронзовых орудий труда и предметов вооружения времени около 1000 г. до н. э., которые в основном дают типы, аналогичные соответственным типам кобанской культуры с незначительными вариантами, и которые имеют мало точек соприкосновения с бронзовыми изделиями Средней Анатолии¹.

С другой стороны, мы видим, что государства древнего Востока в своих завоеваниях не стремились подчинить своей власти берег Черного моря. Войска царей Урарту, двигаясь на север, останавливались у южного подножья Северо-Анатолийских гор; если цари Ассирии и доходили до моря, то их появление там было кратковременным. Персия, правда, присоединила эти области и ввела их в состав своих сатрапий. Местные племена—тибарены, моссиники и др. участвовали в походе Ксеркса на Грецию, но уже в конце V в., как нам известно из «Анабазиса» Ксенофонта, господство персов в юго-восточном Причерноморье стало эфемерным; местные племена были автономны и не слушались приказов персидского царя.

Государство хеттов находилось по отношению к прибрежной полосе Черного моря в несколько ином положении, чем урарты и ассирийцы. Столица Хеттского царства была расположена в излучине реки Галиса почти на одном меридиане с Синопой. Описанная выше дорога, связывавшая внутренние области Малой Азии с черноморским побережьем в окрестностях Самсуна, проходила довольно близко от Хаттушаша—столицы хеттского царства (Богазкой), и трудно себе представить, чтобы это обстоятельство не повлияло на стремление хеттов распространить свое влияние, торговые связи, а может быть, и власть, в северном направлении. Архив Богазкоя содержит целый ряд известий о военных столкновениях хеттских царей с племенами, обитавшими в местностях, расположенных между Хаттушашем и берегом Черного моря, хеттские товары, как мы видели выше, проникали в Самсун и, вероятно, в Синопу. А случайные находки последних лет, еще не опубликованные, а лишь зарегистрированные в кратких сообщениях об археологических новинках Анатолии, дают уже, повидимому, более твердую базу для утверждений об освоении хеттами или, по крайней мере, хеттской культурой данных областей. При этом достойно особого внимания, что два из четырех пунктов, в которых были обнаружены хеттские изделия, находятся на трассе вышеупомянутой дороги, пересекающей Анатолию с севера на юг.

В 1941 г. к югу от горы Илгаздач (древний Олгасс), к юго-западу от Синопы и на расстоянии примерно 100 км от побережья, собраны были на

¹ См. А. А. И е с с е н, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, вып. 120, стр. 139 сл.

искусственном холме, несомненно скрывающем в себе следы древнего поселения, черепки хеттской керамики («Archeologischer Anzeiger», 1941, стр. 268). Такая керамика была найдена в том же районе в 40 км к западу от Кастамуни (там же). В том же году хеттская керамика типа Богазкой III была обнаружена в деревне Иза-Кой, расположенной на трассе вышеупомянутой дороги, примерно в 40 км от Амасей («Archeologischer Anzeiger», 1942, стр. 98). А в непосредственном соседстве с Самсуном в юго-западном направлении от этого города, т. е. опять-таки на трассе большого торгового пути, шедшего от Самсуна на юг, при прокладке железнодорожных рельсов, частично был разрыт искусственный холм, высотой в 15 м, длиной в 80 м и шириной в 30 м, по имени Дунгар-тепе, в котором при последующем его обследовании турецкой археологической экспедицией, проводившей работы в большом масштабе, обнаружены были слои энеолитической, бронзовой и хеттской эпох.

Постепенное накопление кратких и отрывочных сведений уже сейчас, т. е. до опубликования отчетов о разведках и раскопках, имеет известное научное значение и свидетельствует, по крайней мере, об интенсивном проникновении хеттской культуры к берегу Черного моря, причем движение ее на север, повидимому, связано было с использованием описанного выше торгового пути. В свете этих последних находок и нуждающаяся еще в проверке гипотеза о постройке оборонительных сооружений Ак-Алана хеттами приобретает большую долю вероятности, ибо холм Ак-Алана находится тоже на указанном торговом пути, над которым он возвышается. Оттуда легко было контролировать движение по дороге, чем, вероятно, и объясняется возведение там укреплений хеттами (если правильно наше предположение), а впоследствии захват холма фокейскими колонистами Амиса, вскоре после основания этого города. Если наши данные еще недостаточны для того, чтобы установить распространение хеттской державы до берега Черного моря, то проникновение хеттской культуры в данные районы уже не может вызывать сомнений — факт чрезвычайно интересный для истории Причерноморья.

